

РАКЕТА УСТАЛА

ПАДЕНИЕ ОЧЕРЕДНОГО «ПРОТОНА-М», РАКЕТЫ-НОСИТЕЛЯ ТЯЖЕЛОГО КЛАССА, — ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЧП МЕЖДУНАРОДНОГО МАСШТАБА, ВЕДЬ РАКЕТА — РОССИЙСКАЯ, А КОСМОДРОМ — НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА. ПРОБЛЕМУ, ОДНАКО, ПО-ПРЕЖНЕМУ ПРИХОДИТСЯ ДЕЛИТЬ НА ДВОИХ

Евгения Бодрова, Астана

Первыми после взрыва ракеты «Протон-М» (в 9:38 утра по местному времени. — «О») были подняты казахстанские спецслужбы. Полицейские объезжали близлежащие населенные пункты: эвакуацию не объявляли (хотя ее варианты просчитывались для десятков тысяч людей), но очень просили жителей не покидать дома, закрыть окна и двери, а также не выпускать скот на пастбище. Мигом закрылись все магазины и точки общепита. Жизнь в селах и городах (ракета упала в 60 км от Байконура) замерла.

— С утра дома сижу, — жаловалась по телефону жительница Кызыл-Орды Эльмира Шубарова. — Конечно, боимся за детей, за экологию. Но уехать нам некуда.

В это время на другом конце страны — в Астане — кипела работа. Премьер Казахстана Серик Ахметов экстренно собрал совещание. Главы всех ведомств потели над картой района ЧП.

— Пока оценить вероятность воздействия на прилегающие к космодрому территории сложно, — отчитывался министр по ЧС Владимир Божко. — Полагаю, необходимо усилить контроль над экологической обстановкой и отслеживать возможность появления следов от произошедшего взрыва...

Первым освоил успокоительный тон глава Казкосмоса и бывший космонавт (он трижды стартовал с Байконура) Талгат Мусабаев. Высокий чиновник заверил: его подчиненные проводят замеры, в принципе волноваться не стоит. Большая часть гептила, который со-

держится в ракетном топливе, сторела в воздухе. Повезло и с погодой — дождь прибил к земле часть ядовитого облака. В остальном же, подчеркнул Мусабаев, произошедшее — внутреннее дело Роскосмоса. И даже зачитал выдержку из казахстанско-российского соглашения от 22 мая 2006 года.

— Авария — это падение ракеты или ее частей на территорию Республики Казахстан, за пределами территорий, арендованных российской стороной. Таким образом, — продолжил глава Казкосмоса, — произошедшее с точки зрения права аварией не является. Это внутреннее дело Роскосмоса, с которым мы держим связь и оперативно требуем всю надлежащую информацию. Нет повода создавать правительственную комиссию...

«ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ, СКОЛЬКО БЫЛО БЫ ШУМА В ЕВРОПЕ?» Однако комиссию все же создали — чтобы тщательно изучить влияние взрыва ракеты на экологию Казахстана. Судя по первым выводам на основании проб почвы и воздуха, концентрация гептила допустимой нормы не превышает.

Другое дело, что эта авария российской ракеты — далеко не первая. Самой громкой из них была та, что случилась в 2007-м, когда тот же «Протон» через пару минут после старта рухнул в 40 километрах от города Джезказгана в Карагандинской области. Тогда российским властям пришлось выплатить ущерб Казахстану в размере 2,5 млн долларов.

Каков будет ущерб на этот раз, сказать пока сложно. Но инцидент уже стал поводом для протестов. Несанкционированный митинг состоялся в Алма-Ате у посольства РФ: инициаторы вручили дипломатам письмо с требованиями по пе-

Ракета-носитель «Протон-М» с тремя российскими спутниками навигационной системы ГЛОНАСС падает после старта с космодрома «Байконур»

Сергей Лесков

КОНТЕКСТ АВАРИЯ «ПРОТОНА»: ОСЕЧКА ИЛИ ОБВАЛ?

ЧТО НАДО СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ РАКЕТЫ НЕ ПАДАЛИ

2 июля 2013 года на космодроме Байконур произошла авария. Тяжелая ракета «Протон-М» взорвалась в начале космического пути, отправив три спутника навигационной системы ГЛОНАСС не на орбиту, а прямо в небытие. Техника, предназначенная для системы ГЛОНАСС, находится на особом контроле, но это не помогло. Аварии наших ракет перестали быть сенсацией, за последние 5 лет

их набралось с полтора десятка, утеряно много важных российских и иностранных спутников. В том числе первый за долгое время отечественный межпланетный аппарат «Фобос-Грунт». Обидно не сами потери, еще хуже стойкое ощущение того, что это обычное состояние нашей некогда блиставшей космонавтики. Тот же «Протон» за последние 3 года терпел крушение уже три раза. В 2010 году в ре-

зультате скандальных разборок были уволены высокие чины РКК «Энергия» и Роскосмоса, вплоть до многолетнего руководителя Перминова. В 2012 году сошел с высокой орбиты гендиректор ГКНПЦ им. Хруничева, где делают «Протон». После нынешней аварии тоже чья-нибудь бедолага голова полетит по нерасчетной траектории. Только спасет ли это следующую ракету?

После каждой аварии «Протона» возникает шторм опасений по поводу экологических последствий попадания в почву сверхядовитого топлива под страшным названием несимметричный диметилгидразин, он же гептил. Это жутко опасное вещество, от него лучше держаться подальше. Однажды «Протон» рухнул на город Джезказган, где находился президент Казахстана Назарбаев. Россия заплатила крупный штраф. На этот раз «Протон» упал на безлюдный Байконур, злаки на космодроме не выращивают, обойдется без штрафа. Проблема

ма в том, что ракеты на гептиле гораздо мощнее кислородных. Большая американская ракета «Титан» и французская «Ариан» тоже летают на гептиле. Пока не придуман другой способ запускать в космос тяжелые грузы, «Протон» будет вновь подниматься на орбиту. Или ГЛОНАСС, а также орбитальные блоки МКС и межпланетные полеты или отказ от «Протона» — такова альтернатива.

По злой иронии вице-премьер Rogozin в день аварии, как подгадывал, объявил о смелой структурной реформе в космической отрасли. Реформа состоит в излюбленном нашим чиновничеством переделе собственности. Пакеты акций предприятий отрасли перейдут из одних рук в другие, более надежные. Может быть, вице-премьер верит, что это поднимет космонавтику на новый уровень, но больше таких оптимистов я не встречал. Причины кризиса отечественной космонавтики, как и других наукоемких отраслей, объяс-

няются отнюдь не ротозейством отдельных руководителей и совсем не слабостью менеджмента на заводах и КБ. Если говорить честно, то в космонавтике дела обстоят даже лучше, чем в других отраслях, связанных с высокими технологиями. Космическая отрасль, как бы хлестко ее ни ругали, держит высокие позиции, в отличие от авиа- и судостроения, и уж никак не может сравниться с радиопромом и станкостроением, которые легли на дно. Что касается ракеты «Протон-М», вставшей на стартовую позицию в «путинскую» эру в 2001 году, то ее надежность равняется 89 процентам. Но точно такая же надежность — 89 процентов — была у ракеты «Протон-К», которая летала в советское время, просто об авариях тогда не сообщалось. Одним из самых славных достижений советской космонавтики считается запуск в 1970 году автомата «Луноход», который в пику американцам, уже побывавшим на Луне, колесил по поверхности зем-

решению договора аренды космодрома Байконур. Возмущены и экологи: они говорят о «разгильдяйстве» и убеждены, что считать инцидент лишь внутренним делом Роскосмоса никак нельзя.

— Не хотел, чтобы это отразилось на отношениях с Россией, но нам надо быть жестче, — говорит «Огоньку» председатель экологического союза «Табигат» и кандидат в президенты Казах-

стана на выборах 2011 года Мэлс Елеусизов. — Больше 20 лет говорят, что надо решать проблему с гептилом, который признавали вредным и опасным топливом еще в СССР. Но Россия ничего в этом плане не делает, если не считать несчастные гроши за аренду Байконура. Смотрите: при каждом старте ракеты «Протон» ее первая ступень падает в Казахстане, и там всегда есть неотрабо-

танное топливо — от 1 до 2 тонн. Представляете, сколько было бы шума в Европе? Да они бы отказались от запуска! Вот и нам нужно решать проблему, составлять конкретный договор с указанием сроков.

РОПОТ КОСМОДРОМА Байконур — причина многих споров между Россией и Казахстаном: не далее как этой зимой стороны слали друг другу дипломатические ноты и предъявляли претензии (см. «Огонек» № 50 за 2012 год). Точки над *i* расставили лишь на самом высоком уровне. Но сейчас казахстанские политологи не считают, что падение «Протона-М» приведет к дипломатическому скандалу.

— В России не менее жаркие споры по поводу перспектив Байконура, чем в Казахстане, — напоминает «Огоньку» политолог Досым Сатпаев. — Оперативно уйти с Байконура сложно. Во-первых, у России нет своей инфраструктуры. Во-вторых, это был бы политический акт с риском ухудшения отношений с Астаной. Да и Казахстан не готов быстро принять обязательства по содержанию инфраструктурного объекта, причем дело даже не в деньгах, дело в кадрах. Но к обеспечению своей экологической безопасности стоит подходить жестче — сделать строже контроль, увеличить размер компенсаций. Называть аварию внутренним делом России, на мой взгляд, некорректно. Но на уровне руководства двух стран инцидент этот, думаю, постараются не переводить в плоскость политики.

Есть и более жесткие мнения, но они тоже отражают реальность: в Казахстане все заметнее те, кто хочет, чтобы россияне покинули космодром. Но даже они понимают, что в минувшей аварии пострадали обе стороны.

— Для Казахстана космос — тема вообще болезненная. Само Приаралье, где находится Байконур, давно уже зона экологического бедствия, а очередное разлитие гептила оказывает негативное влияние не только на природу, но и на общество, — говорит политолог и журналист Эдуард Полетаев. — Но я бы все равно назвал это ЧП общей бедой. После последней аварии возможности и перспективы российской космической промышленности весьма туманны, тем более что это не первая авария «Протонов». Плюс к тому в самом Байконуре тоже немало граждан РФ, об угрозе для здоровья которых никто почему-то не говорит. Думаю, правильно не искать виноватых, а четко реагировать на ситуацию, к примеру честно и открыто объясняя людям, какие последствия могут быть от аварии. А вообще, нужно жестче поставить вопрос по поводу этих «Протонов». Может быть, пора уже завершить их эксплуатацию и перейти на более экологичные носители, например «Ангарту»?

Договор об аренде космодрома Байконур между Россией и Казахстаном подписан, напомним, до 2050 года. По нему каждый год российская сторона платит 115 млн долларов. Что касается программы по запуску «Протонов» (а они летают с 1965-го), то она должна завершиться через 7 лет. Показательно, что это именно из-за нее минувшей зимой рассорились дипломаты (казахстанская сторона хотела сократить число запусков этих супертяжелых носителей с 17 до 12). Но после долгих переговоров стороны все же нашли общий язык. Станет ли нынешняя авария очередным поводом выяснять отношения на официальном уровне, пока непонятно. Но одно ясно: ответственность в Казахстане будет этого добиваться. ■■

После последней аварии возможности и перспективы российской космической промышленности весьма туманны, тем более что это не первая авария «Протонов»

ного спутника. Однако за год до этой громкой победы «Протон-К» потерял такой же аппарат, но советских граждан этой утратой огорчать не стали. Сегодня, конечно, сообщали бы, но до Луны мы уже не дотягиваемся. В нашей космонавтике аварии давно не приводят к человеческим жертвам, в отличие от США, где погибло два космических экипажа и в пожарном порядке была закрыта программа многоразовых кораблей. Кстати, самая крупная трагедия в истории космонавтики случилась в 1960 году на том же Байконуре с предшественником «Протона» боевой ракетой Р-16, которая была заправлена ядовитым гептилом. Новая баллистическая ракета была мощнее ракеты Сергея Королева и, как считал Хрущев, должна была выиграть ракетно-ядерную гонку у США.

24 октября 1960 года командующий РВСН маршал Митрофан Неделин побрезговал спус-

каться в 100 метрах от ракеты. В руках у маршала был красный телефон, чтобы сразу позвонить Хрущеву. Без всякой команды самопроизвольно включились двигатели второй ступени. Огненная струя прожгла ракету насквозь. По степи бежали десятки живых факелов. Погибло 92 человека. Многие умерли от отравления уже в больнице. Врачи не знали, как нейтрализовать отравление гептилом, молока не хватало. Маршала Неделина опознали по звезде Героя Советского Союза. В газетах было написано, что командующий погиб в авиакатастрофе. На Байконур прибыла комиссия во главе с Брежневым, тогда секретарем ЦК КПСС. Он сказал: «Никого наказывать не будем. Все себя уже наказали».

Аварии в космонавтике случались всегда и во всех странах. Кризис, в который погрузилась российская космонавтика, состоит вовсе не в надежности космических систем, хотя повышенная аварийность последних лет бьет по не-

рвам и по карману. Кризис — в отсутствии развития и новых идей. Ракеты «Союз» и «Протон» созданы гениальными конструкторами на заре космической эры, но служат до сих пор. Где новые Королевы и Челомеи? У нас давно нет прорывных проектов, без чего космонавтика как область освоения неизвестных пространств и законов теряет всякий смысл. Многогоразовый корабль «Клиппер», который показывали Путину как главную надежду нашей космонавтики, списали в утиль. Мощную и экологичную ракету «Ангарту» не удается довести до ума, сроки многократно сорваны. Научных аппаратов нет, к другим планетам мы летать перестали. О Марсе и Луне только говорим, конкретных проектов не имеем. Кое-кто даже поговаривает, что русский человек утратил ощущение полета, ему стали безразличны далекие миры, а звезды интересуют нас только для составления правильных гороскопов. Кризис космонавтики в том, что космические

предприятия превратились в серийные заводы, выпуск ракет уподобился производству табуреток. Именно на число стартов и валовые показатели напирал руководители отрасли, когда говорят о том, что Россия удерживает лидерство в космонавтике. Но рутина отпугивает молодежь, хотя совсем недавно, в 1960–1970-е годы, в отрасль валом валили таланты. Сейчас в отряде космонавтов недобор. Моральное старение космической техники, унылое воспроизводство аппаратов другой технологической эпохи неизбежно ведет к падению качества и повышению аварийности. Это непреложный и незлыблемый инженерный закон. Можно еще десяток космических начальников уволить и можно еще много раз тасовать пакеты акций космических предприятий, от этого космическая отрасль в рост не пойдет.

Кризис космонавтики не лечится аудитом имущества и структурными перетасовками. Главная беда всей российской науки — в отсут-

ствии крупных и амбициозных задач и проектов, которые должно сформулировать и поставить государство.

Является ли шквал космических аварий свидетельством заката России как великой космической державы? Если космонавтике и всей науке не удастся вернуть высокий социальный статус, аварий скоро не будет, потому что космические аппараты вовсе перестанут запускать.

